

УДК 94(517)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.65>

Ламский вопрос после ухода Богдо-гэгэна (1924–1932 гг.)

Л. В. Курас*

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ,
Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается проблема противостояния буддийского духовенства, которое традиционно представляло самостоятельную политическую силу, и МНРП после победы революции 1921 г. Отмечается, что особенно остро ламский вопрос встал после смерти Богдо-гэгэна, когда теократическая Монголия превратилась в светское государство.

Ключевые слова: Монголия, Богдо-гэгэн, ламский вопрос, МНРП, республика.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания. Проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности» № 126020516676-6.

Для цитирования: Курас Л. В. Ламский вопрос после ухода Богдо-гэгэна (1924–1932 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2026. Т. 56. С. 65–70. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.65>

Original article

The Lama question after Bogdo-Gegen's Departure (1924–1932)

L. V. Kuras*

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. Buddhist confession traditionally represents an independent political force, becoming the most powerful government institution that the MPRP had to face after the victory of the 1921 revolution. The Lama question became especially acute after the departure of the Bogdo-Gegen, when theocratic Mongolia turned into a secular state.

Keywords: Mongolia, Bogdo-Gegen, the Lama question, the MPRP, republic.

Acknowledgments. The article was prepared as a part of the state assignment: project “The Mongolian world in historical projections: interaction of cultures and civilizations from the collapse of the Empire to the present” N 126020516676-6.

For citation: Kuras L. V. The Lama question after Bogdo-Gegen's Departure (1924–1932). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2026, vol. 56, pp. 65-70. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.65> (in Russian)

В конце июня 1921 г. в результате совместной военной операции советских и монгольских войск барон Унгерн был разгромлен, и 6 июля передовые части вошли в Ургу, где их восторженно приветствовало местное население. Но вскоре Богдо-гэгэн и его правительство поняли, что пришли не просто освободители, пришла новая власть. Ургинское правительство было распущено, и 10 июля было сформировано новое правительство во главе с одним из руководителей Монгольской народной партии (МНП) Д. Бодо. В новое правительство, наряду с членами молодой монгольской партии, вошли представители духовенства и монгольских князей. Руководство партии демонстрировало линию на сплочение монгольского общества, но при этом все руководящие посты заняли представители МНП, а глава ламаистской церкви Богдо-гэгэн был ограничен в правах монарха. Это было сложное и, пожалуй, революционное решение, ибо Богдо-гэгэн был по-настоящему народным героем, который в результате победы в национально-освободительной борьбе стал главой независимого Монгольского теократического государства. Его авторитет оставался велик, а МНП лишь ограничило его права. Это было разумное, оптимальное решение, диктуемое реальной обстановкой и расстановкой политических сил.

1 ноября 1921 г. был подписан «Клятвенный договор», регулирующий отношения между правительством и Богдо-гэгэном. Так, в договоре подчеркивалось, что Богдо-гэгэн – хан Монгольского государства и он «отправляет всякого рода государственные дела через посредничество премьер-министра». И далее: «Народное правительство не может проводить в жизнь новые законы без предварительного доклада Богдо-гэгэну». Иерарх не мог отменить проект закона, но он мог вернуть его на доработку. Следует подчеркнуть, что одним из составителей договора был бывший лама, первый премьер-министр нового правительства Монголии Д. Бодо, на смену которому в 1922 г. пришел один из высших церковных иерархов Жалханзхутухта. Авторы монографии «История Монголии. Век XX» подчеркивают, что «духовный лидер имел и другие рычаги воздействия на новое правительство, на любого члена МНП. Ведь все население тогдашней Монголии верило в святость Богдо-гэгэна, слепо ему поклонялось» [2, с. 63].

Тем не менее эти отношения не были безоблачными. В конце 1921 г. было подавлено ламское антиправительственное выступление во главе с приближенным Богдо-гэгэна Саж-ламой. Среди сторонников премьера Д. Бодо, казненного в 1922 г., был и министр двора Богдо-гэгэна Пунцагдорж. Тем самым Богдо-гэгэн был втянут в борьбу между «левыми» и «правыми», в борьбу за власть. Но все же революционной Монголии удалось избежать гражданской войны, в том числе и благодаря взвешенной политике Богдо-гэгэна и его двора. Это во многом объяснялось и тем, что реальная политика находилась в руках новых органов власти, новых общественных сил, новых политических организаций. Они доминировали в правительстве, в госаппарате, им подчинялась армия и внутренняя государственная охрана, с ними сотрудичали Советская Россия и Коминтерн.

Следует подчеркнуть, что Богдо-гэгэн Джебцун Дамба-хутухта, наряду с Далай-ламой, являлся одной из наиболее авторитетных и почитаемых личностей в тибетском буддизме. Титул «Богдо-гэгэн» переводится с монгольского языка как «живой святой». Он считался одним из высших хранителей буддийского учения. Институт Богдо-гэгэна (Джебцун Дамба-хутухты), традиционного главы буддизма в Монголии, получил известность начиная с XVI в. [7, с. 9–10].

20 мая 1924 г. после долгой болезни Богдо-гэгэн скончался, а судьба богдогэгэнства была предопределена. 3 июня пленум ЦК МНП единогласно высказался за республиканский образ власти. В принятом постановлении предлагалось ввести республиканский строй без президента с передачей государственной власти Народному хуралу и избираемому им правительству. 13 июня правительство одобрило это решение, а 26 ноября 1924 г. I Великий хурал придал июньским решениям силу закона. Тем самым факт отстранения ламства от политической власти в стране стал реальностью и в силу неподготовленности ламства не вызвал контрмер со стороны ламских кругов.

Преобразования, начавшиеся в Монгольской Народной Республике, были воистину революционные. Это обновление партийного руководства, реформирование монгольского общества, демократизация государственного аппарата, реформирование экономических отношений, отмена всех степеней, званий, титулов, пожалований знати и их привилегий, раскрепощение аратов, принятие мер против иностранных ростовщических компаний, появление сектора государственной и кооперативной экономики, принятие Закона о едином налоге, укрепление национальной валюты и позиций национальной торговли. Новые явления обозначились также в сфере культуры, образования и медицины: открылась начальная школа, стали создаваться медицинские организации, был учрежден Ученый комитет, выходили газеты и журналы.

В то же время существовали и серьезные проблемы в обществе, обусловленные как внешними, так и внутренними причинами. К внешним следует отнести ожесточенную внутривластную борьбу внутри ВКП(б), что не могло не отразиться на партийном строительстве в МНП. К внешним причинам следует отнести и «двойственность» международного статуса Монголии. Причем международное положение Монголии осложнилось приходом к власти в Китае Чан Кай Ши. Что касается внутренних причин, то они были обусловлены принятием Закона об отделении церкви от государства. Кроме того, антицерковные мероприятия государства и особенно налоговое бремя привели к открытым выступлениям лам в ряде монастырей.

Уже в 1920 г. лидер бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино обратил внимание на то, что буддийская церковь является серьезной политической силой, которую может использовать в своих целях пекинское правительство [6]. Это наблюдение было конкретизировано будущим советским дипломатом И. М. Майским, находившимся в этот период в Монголии в качестве представителя иркутской конторы Центросоюза. Он акцентировал внимание на авторитете ламства, способного повести за собой массы [5].

В начале XX в. буддийская церковь в Монголии была самым влиятельным институтом власти и самым крупным собственником скота и пастбищ. Этот феномен нашел отражение в отечественной историографии [9; 8; 3] и потому не случайно стал объектом пристального внимания ВЧК-ОГПУ. Этот интерес усилился сразу же после смерти Богдо-гэгэна, что также нашло отражение в архивных документах¹ и в отечественной историографии [4]. Так, в агентурных донесениях подчеркивалось, что ламское духовенство после Богдо-гэгэна – это оппозиционно настроенное реакционное целое, ибо с переходом власти целиком к Нарревпартии, что задевало экономическое положение ламства, последнее не может «не выступать как реакционное и контрреволюционное целое» [Там же, с. 139]. При этом в агентурных донесениях подчеркивалось, что ламство Монголии определяет «политику» ламства и в Бурятии, и Калмыкии и может влиять на политическую ситуацию в СССР. Именно поэтому агентура обращает особое внимание на ламский вопрос, который, по их мнению, нуждается в специальном изучении. В этой связи интересен тот факт, что один из агентов апеллирует к трудам Ольденбурга, Владимирцова, Щербатского как знатоков буддизма [Там же, с. 140]. Поэтому не случайно, что в агентурном материале аналитического характера выделяются важные особенности ламства Монголии:

1) имеет свою многовековую и совершенно самостоятельную историю и поэтому оценка ламства в Монголии должна отличаться от оценки ламства в СССР;

2) в течение многих веков являлось культурным авангардом народа и сосредотачивало в своих руках всю полноту политического и экономического господства;

3) имело непоколебимый авторитет в массах;

4) представляет собой «интернациональное» ламство азиатского масштаба, связанного с ламством Бурятии, Калмыкии, Тибета, Внутренней Монголии, Барги, Китая и даже Японии и Индии;

5) представляет собой элемент экономического господства над остальной массой, одновременно являясь проводником китайского ростовщического капитала [4, с. 141–142].

В агентурной записке констатируется, что НРП стремится закрепить успехи и проводит реальные мероприятия в отношении ламства. Так, ЦК партии удалось зафиксировать в постановлениях Великого хурулдана следующие мероприятия:

1) лишение ламства права самостоятельного обложения населения;

2) приравнивание «шабинаров» в отбывании всех повинностей к остальным гражданам Республики [Там же, с. 142].

Это позволяет агентуре сделать вывод, что сложившаяся политическая обстановка, начиная со смерти Богдо, и ее экономические последствия для ламства чрезвычайно неблагоприятны. И здесь выделяются задачи противоборствующих сторон: для ламства – организация своих классовых сил; для

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 657. Л. 27–34.

НРП – как вести дальнейшую религиозную политику, «как ликвидировать ламство, хотя бы пока как политического противника» [4, с. 146].

При этом в агентурной записке не скрываются и сложности осуществления этих задач, и первая из них заключается в том, что в самой партии нерелигиозных членов почти нет и репрессии в отношении ламства могут привести к расколу. Среди первоочередных задач решения ламского вопроса ставилось проведение ламского съезда и избрание церковного органа, куда следует ввести своих адептов и уже через них начать внутреннее разложение ламства путем раскола.

Автор записки не скрывает и сложности агентурной работы. Это – отсутствие разветвленной агентурной сети и сети осведомителей. Кроме того, любое расконспирирование агентов будет расценено как «работа для русских».

Советские дипломаты и представители Коминтерна справедливо считали, что задачи расслоения ламства требовали «особого такта и осторожности», и предлагали монгольским товарищам делать это под прикрытием обновленчества [1, с. 359]. Однако агрессивная антирелигиозная кампания периода «левого уклона», включавшая в себя конфискацию дацанского имущества, закрытие буддийских храмов, начавшаяся коллективизация, прогрессивное налогообложение, «военный налог» и, наконец, принятие нормативного акта «О ликвидации института перерождений Богдо-гэгэна и других хутухт» – все это спровоцировало массовые вооруженные выступления, подавление которых, особенно Хубсугульского восстания 1932 г., потребовало осуществления войсковой операции [Там же, с. 360].

Таким образом, после ухода из жизни Богдо-гэгэна в Монголии остро встал ламский вопрос, который руководство предпочло решать жесткими мерами. А в конце 30-х гг., в связи с обострившейся политической ситуацией на Дальнем Востоке и реальной угрозой японской агрессии, каждый буддийский лама стал расцениваться как потенциальный враг.

Список литературы

1. Батунаев Э. В. «Ламский вопрос» в социально-экономической политике МНРП (1932–1938) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. С. 357–362.
2. История Монголия. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М. : ИВ РАН, 2007. 448 с.
3. Кузьмино С. В. Теократическая государственность и буддийская церковь в Монголии в начале XX в. М. : Тов-во науч. изданий КМК, 2016. 496 с.
4. Курас Л. В., Цыремпилова И. С. Ламы в Монголии после смерти Богдо-гэгэна // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 4. Философия. Социология. Филология. Искусство : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 138–148.
5. Майский И. М. Монголия накануне революции. М. : Вост. лит., 1959. 310 с.
6. Ринчино Э.-Д. О политическом положении Монголии // Элбен-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ : [б. и.], 1998. С. 27–34.
7. Монгуш М. В. Роль богдо-гэгэнов в истории Центральной Азии // Азиатские исследования: история и современность. 2023. № 4(8). С. 8–24.
8. Роцин С. К. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. М. : ИВ РАН, 1999. 160 с.
9. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX в. Новосибирск : Наука, 1988. 103 с.

References

1. Batunaev E.V. “Lamskij vopros” v sotsialno-ekonomicheskoy politike MNRP (1932-1938) [The “Lama question” in the socio-economic politics of the Mongolian People’s Revolutionary Party (1932-1938)]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic year-book], 2019, pp. 357-362 (in Russian).
2. *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. 20th century]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2007, 448 p. (in Russian)
3. Kuzmin S.V. *Teokraticeskaya gosudarstvennost i buddijskaya tserkov v Mongolii v nachale XX v.* [Theocratic statehood and Buddhist church in Mongolia in the beginning of 20th century], Moscow, Scientific Publications Company KMK Publ., 2016, 496 p. (in Russian)
4. Kuras L.V., Tsyrempilova I.S. Lamy v Mongolii posle smerti Bogdo-gegena [Lamas in Mongolia after the death of Bogdo-Gegen]. *Problemy istorii i kultury kochevykh tsivilizatsij Tsentralnoj Azii. T. 4. Filosofiya. Sotsiologiya. Filologiya. Iskusstvo* [Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Vol. 4. Philosophy. Sociology. Philology. Art], Ulan-Ude, 2000, pp. 138-148. (in Russian)
5. Majskij I.M. *Mongoliya nakanune revolyutsii* [Mongolia on the eve of the revolution], Moscow, Eastern literature Publ., 1959, 310 p. (in Russian)
6. Rinchino E.-D. O politicheskom polozhenii Mongolii [On the political situation of Mongolia]. *Elben-Dorzhi Rinchino o Mongolii* [Elben-Dorzhi Rinchino about Mongolia], Ulan-Ude, 1998, pp. 27-34. (in Russian)
7. Mongush M.V. Rol bogdo-gegenov v istorii Tsentralnoi Azii [Role of bogdo-gegenes in history of Central Asia]. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost* [Asian studies: history and modernity], 2023, vol. 4, no. 8. pp. 8-24. (in Russian)
8. Roshchin S.K. *Genden, mongolskij natsionalnyj lider. SHtrikhi biografii* [Genden, Mongolian national leader. Biographical sketches]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 1999, 160 p. (in Russian)
9. Skrynnikova T.D. *Lamaistskaya tserkov i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya XVI – nachala XX v.* [Lamaist church and state. Outer Mongolia 16th – the beg. of 20th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 103 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Курас Леонид Владимирович
 доктор исторических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Институт монголоведения, буддологии
 и тибетологии СО РАН
 Российская Федерация, 670047, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6
 e-mail: kuraslv@yandex.ru

Information about the author

Kuras Leonid Vladimirovich
 Doctor of Sciences (History), Professor
 Institute for Mongolian, Buddhist
 and Tibetan Studies SB RAS
 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
 Russian Federation
 e-mail: kuraslv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию **07.02.2026**; одобрена после рецензирования **20.03.2026**; принята к публикации **15.04.2026**
 The article was submitted **February, 07, 2026**; approved after reviewing **March, 20, 2026**; accepted for publication **April, 15, 2026**